
Д.М. Бондаренко, П.М. Рёзе

ИСТОРИОПИСАНИЕ БЕЗ ПИСЬМЕННОСТИ?
УСЛОВНЫЕ ЗНАЧКИ И РИСУНКИ КАК СРЕДСТВО
ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ДОКОЛОНИАЛЬНОМ БЕНИНЕ*

В доколониальном Бенине не существовало письменности, однако была выработана оригинальная система хранения и передачи информации посредством условных значков и рисунков, представлявших собой фразограммы. Разработка этой системы не обуславливалась общественными потребностями, связанными с ростом хозяйственной и торговой деятельности или появлением четких представлений о государственной и частной собственности. Своим возникновением фразография была обязана стремлению верховной власти и при Первой династии (огисо), и при Второй (оба) к укреплению своих идеологических основ. Официозная обработка истории страны и внедрение идеологемы о связи правителей с духами предков и божествами являлись важнейшими средствами достижения этой цели. В результате практически вся информация, которую несли бенинские условные значки и рисунки, имела не узко-практический, но исторический и культурный (религиозно-мифологический) характер.

Ключевые слова: Бенин, Нигерия, доколониальная Африка, историописание, письменность, фразография, идеология

В середине XVIII в. датский купец Людевиг Фердинанд Рёмер записал рассказ некоего англичанина о королевстве Бенин, задолго до того созданном народом бини (в наши дни эти земли — часть территории Нигерии):

Бенинские черные очень смыслены и умны. Они также в некотором смысле учены. Их ученость проистекает из многочисленных

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-300045 «Генезис и развитие социально-политической организации древних майя в контексте современных теорий социальной эволюции»).

иероглифических значков и каменных портретов, так как с их помощью они в состоянии рассказывать свою личную историю, как и историю всей страны¹.

Содержание данного фрагмента не вполне ясно. Под «многочисленными иероглифическими значками» информант Рёмера мог иметь в виду резные изображения на слоновьих бивнях, которые вставляли в отверстия на верхушках металлических голов (*ухув-элао*), помещавшихся на алтарях (*аро*) предков верховного правителя (*оба*). В то же время неизвестны какие-либо бенинские «каменные портреты». Вероятно, англичанин принял за них мемориальные головы, изготавливавшиеся из металла. Такое вполне могло произойти, если учесть, что до него почти наверняка лишь доходили слухи об *ухув-элао*: ни иностранец, ни простой бенинец не имели возможности свободно посещать священные алтари предков *оба*. Всемирно знаменитые ныне шедевры так называемой «бенинской бронзы» стали легко доступны европейцам только после разрушения и разграбления ими королевских алтарей в ходе британской «карательной экспедиции» 1897 г., положившей конец независимому существованию Бенина.

Однако процитированный фрагмент может указывать и на то, что бенинские придворные историки-хронисты (*ихогбе*) в своей работе опирались не только на бивни с изображениями исторических сцен времен правления усопшего *оба* (например, его встреч с европейцами), но и на некоторые другие предметы, также находившиеся на королевских алтарях до их разрушения и выполнявшие коммеморативные функции. Разумеется, с одной стороны, остаются вопросы: почему, в отличие от бивней, на эти предметы нет более конкретных указаний в доколониальных источниках, и они сами не сохранились до наших дней? С другой же стороны, в любом случае важнейшим средством хранения и передачи из поколения в поколение памяти об исторических событиях для бини всегда была устная традиция. Ныне она служит исследователям важным историческим источником, пусть и исключительно сложным с точки зрения верификации, а зачастую и интерпретации ее сообщений.

¹ Römer L.F. Nachrichten von der Küste Guinea. Kopenhagen; Leipzig, 1769. S. 16; подробно см: Roese P.M., Bondarenko D.M., Roese T.M.L. Ludewig Ferdinand Römer's "Nachrichten von der Küste Guinea" (Mid-18th Century) as a Source on the Benin Kingdom History and Culture // Tribus. 2001. Vol. 50. P. 135–149.

Алтари создавались из красной латеритной глины, широко распространенной в Бенине. По форме алтарь представлял собой полукруг с диаметром 120–150 см и высотой от 40 до 80 см, со стороны «среза» прислоненный к стене святилища (*угха*). На самом алтаре и по обеим сторонам от него, вдоль стены, и стояли многочисленные металлические головы *ухув-элао* со вставленными в их «макушки» резными бивнями-повествованиями о деяниях того, чьему духу данные святилище и алтарь были посвящены. Именно голову бенинцы считали вместилищем сакральной силы правителя.

Также на алтаре помещались ритуальные жезлы (*ухурхе*) и колокольчики (*эгого*). В центре алтаря располагалась скульптурная композиция, ключевое место в которой занимало изображение *оба*. На алтарь и перед ним клались каменные топоры-кельты (*угхаван*), по преданию, некогда сброшенные на землю с небес.

Бенинский вождь Акитола Акпата так раскрывал семантику предметов, находившихся на алтаре или подле него:

Бюст с коралловыми шапочкой и воротником, представляющие умершего *оба*. Слоновьи бивни, символизирующие богатства *оба*. Несколько деревянных бюстов, изображающих вождей... Колокольчики из меди и бронзы, при помощи которых совершаются заклинания. Длинные резные шесты, известные как *ухурхе*, с которыми жрецы возносят молитвы, символизирующие душу. *Ада* (меч) и *эбен* (символы власти) и т.д.²

Придворные историки *ихогбе* появились очень рано; не исключено, что первые из них пришли в Бенин из города Ифе вместе с основателем династии *оба* принцем Оранмияном в конце XII — первой половине XIII в. Они делятся на две группы: собственно *ихогбе* и *угбока*. Среди первых наиболее высоким статусом обладал носитель титула *ихама*, за ним следовал *летема*. Среди *угбока* же старшими были *эзехурхе* и *легема*. Насколько позволяют судить источники, единственным наследственным среди них был титул *ихама*, носителями которого были члены клана *оба* (*умогун*). *Ихогбе* являлись не только хронистами, но и жрецами культа головы (*ухунмвун*) здравствующего правителя и культа предков *оба*. В связи с последним они играли важную роль при отправлении обря-

² Акпата А. Benin: Notes on Altars and Bronze Heads // Ethnologica Cranmorensis. 1937. Vol. 1. P. 5–6.

Илл. 1. Алтарь (аро) предков верховного правителя (оба)

Илл. 2. Резной бивень

дов похорон верховных правителей и считались хранителями их святилищ³.

Итак, во времена *оба* (XIII–XIX вв.) существовала специальная категория придворных историков-хронистов. Но они были известны еще в эпоху первой династии, *огисо* (X–XII вв.). Тогда их именовали *угхорон*. Они проживали неподалеку от дворца *огисо* и покинули Бенин после свержения последнего правителя из этой династии, Оводо. О дальнейшей судьбе этой категории придворных ничего не известно⁴. Ф.А. Игбафе реконструировал метод работы *угхорон* следующим образом:

Используя глиняные модели фигур различных *огисо* и отмечая на них символическими значками вехи их правлений, они создавали довольно обширную запись.

Временные же интервалы фиксировались так:

Период между одним и другим возрастным классом составлял примерно 20–25 лет, т.е. поколение или более того. Это побуждало *угхорон* мерить правления *огисо* годами и поколениями⁵.

³ Egharevba J.U. Benin Law and Custom. Port Harcourt, 1949. P. 30; *Idem*. A Short History of Benin. Ibadan, 1960. P. 79.

⁴ Egharevba J.U. Bini Titles. Benin City, 1956. P. 2.

⁵ Igbafe P.A. Benin in the Pre-Colonial Era // *Tarikh*. 1974. Vol. 5, N 1. P. 6.

К сожалению, Ф.А. Игбафе не указывает источники, обращение к которым позволило ему прийти к подобным выводам.

Некоторые исследователи попытались представить бенинские условные значки как полноценную слоговую иероглифическую письменность и даже датировали древнейшие сохранившиеся значки, а следовательно, и возникновение письменности, временем, предшествующим первому появлению в Бенине европейцев, т.е. до последних десятилетий XV в.⁶ В действительности же, как указывает Н.Б. Кочакова, бенинские условные значки представляли собой не иероглифы, а фразограммы:

Каждый такой знак передавал целое сообщение, он применялся изолированно, без связи с другими аналогичными знаками. Подобные знаки не образовывали системы письма: более того, в отличие от пиктограмм, они редко служили исходным материалом и для формирования более высоких, чем фразография, логографических систем письма, т.е. таких, в которых знаки (логограммы) передают отдельные слова⁷.

Например, Б.У. Блэкман проанализировала каждый рисунок на резных бивнях с алтарей бенинских правителей как отдельный «мотив»⁸. Так же много ранее подошла Б.И. Шаревская к рассмотрению символики изображений на ритуальном жезле и на основаниях *ухув-элао*⁹.

⁶ См., например: *Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина (по коллекциям Музея антропологии и этнографии) // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. 15. С. 375–376; *Он же.* Следы существования письменности у народов Верхней Гвинеи до европейской колонизации // Краткие сообщения Ин-та этнографии. 1957. № 28. С. 72; *Hau K.* Evidence of the Use of Pre-Portuguese Written Characters by the Bini? // Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire. Sér. B. 1959. Vol. 21, N 1–2. P. 109–154; *Eadem.* The Ancient Writing of Southern Nigeria // Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire. Sér. B. 1967. Vol. 29, N 1–2. P. 150–190; *Кобищанов Ю.М.* Африканские системы письма // Африка еще не открыта. М., 1967. С. 179–185; *Falola T., Mahadi A., Uhomoibhi M., Anyanwu U.* History of Nigeria. Ikeja etc., 1989. Vol. 1. P. 4.

⁷ *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомей). М., 1986. С. 164.

⁸ *Blackmun B.W.* The Iconography of Carved Altar Tusks from Benin, Nigeria: Ph.D. thesis / Univ. of California, Los Angeles. Ann Arbor (Mi.), 1984. Vol. 2.

⁹ *Шаревская Б.И.* Памятник жертвенного культа древнего Бенина // СЭ. 1947. № 3. С. 131–140; *Она же.* Религии древнего Бенина (очерк верований и культов африканского государства доколониального периода) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1957. Т. 1. С. 199.

Таким образом, хотя у бини не сформировалось собственное письмо в строгом смысле слова, у них тем не менее была эффективная система сохранения и передачи информации, прежде всего исторического характера. Сама же история в сознании бини была неотрывна от истории правящей династии¹⁰. Как было подчеркнуто выше, в бенинском королевстве едва ли не с момента его появления существовала традиция сохранения и передачи информации исторического характера усилиями придворных хронистов. Весьма вероятно, что овладение «граммотой» было доступно представителям лишь узких социальных слоев, в первую очередь придворным — историкам, а также состоявшим при дворе резчикам и литейщикам. Именно в данном обстоятельстве, как представляется, заложен правильный ответ Э. Изичей, которая, возражая исследователям, склонным видеть в значках на бивнях надписи в полном смысле слова, отмечает, что, если это было так на самом деле, то «странно, что память о них в Бенине полностью исчезла»¹¹.

Историческая информация сохранялась и передавалась придворными хронистами в официозной трактовке, в том числе посредством условных значков и изображений на предметах, находившихся в святилищах усопших правителей. Но были ли эти предметы единственными историческими «справочниками» и «энциклопедиями» для всё новых и новых поколений бенинских хронистов? Ведь известно большое количество бронзовых рельефов (*ама*), образцов резьбы по дереву, слоновой кости, скорлупе кокосовых орехов и т.д., изображающих сцены сражений и охоты, правителей и их придворных, европейцев, животных и многое другое.

Бронзовые рельефы с XVII в. украшали стены зданий дворцового комплекса (*огбе*), занимавшего западную часть города Бенина, возможно, включая и святилища усопших правителей. После его разрушения в 1897 г. восстановить последовательность расположения рельефов на стенах, увы, не представляется возможным. Тем не менее изображения на многих ныне разрозненных рельефах не позволяют усомниться в том, что и они выполняли историко-коммеративную функцию. Например, сохранилось несколько рельефов,

¹⁰ Bradbury R.E. Chronological Problems in the Study of Benin History // Bradbury R.E. Benin Studies. L. etc., 1973. P. 19; Afolayan S.F. Pre-Colonial Concept of History in Nigeria // On West African History. Selected Papers. Marburg, 1986. (Africana Marburgensia; Sonderheft 11). P. 31–47; Picton J. Edo Art, Dynastic Myth, and Intellectual Aporia // African Arts. 1997. Vol. 30, N 4. P. 18–25.

¹¹ Isichei E. A History of Nigeria. L. etc., 1983. P. 335.

Илл. 3. Бронзовый рельеф (ама), изображающий верховного правителя (оба) с леопардами и так называемыми «ильными рыбами» (вместо ног) — одними из главных символов его власти

на которых запечатлены европейцы, либо держащие в руках, либо в окружении маниллас — металлических брусков изогнутой формы, использовавшихся в качестве обменного эквивалента. Очевидно, что эти рельефы были призваны отразить и увековечить историю торговых связей бини с европейцами.

Другой характерный пример — «мальтийские» и прямые кресты, сопровождающие изображения некоторых приближенных *оба*. Едва ли приходится сомневаться, что перед нами — рассказ о том же, о чем писали европейцы: в XVI в. — Дуарте Пашеку Перейра и Жоао Де Барруш¹², а в начале XVII в. — Мануэль де Фигейредо, Дирик Руйтерс и Алонсо де Сандоваль¹³. Они же сообщали, что

¹² *Pacheco Pereira D. Esmeraldo de Situ Orbis*. Bissau, 1956 [1505–1508]. P. 139; *De Barros J. Ásia de João De Barros: Dos Feitos que os portugueses fizeram no descobrimento e conquista dos mares e terras de Oriente*. Dec. I. Coimbra, 1988 [1552]. P. 83–84.

¹³ См.: *Bascom W. The Early Historical Evidence of Yoruba Urbanism // Social Change and Economic Development in Nigeria*. N.Y. etc., 1973. P. 34, f. 4.

недалеко от Бенина находилась страна, которой правил великий властелин, носивший титул *хоогуане*, или *огане*. (Подавляющее большинство ученых убеждено в том, что речь идет о верховном правителе — *они* Ифе¹⁴). *Огане* был почитаем во всем регионе, как папа Римский католиками. В соответствии с очень древней традицией, сразу после восшествия на престол «король Бенина» отправлял к *огане* посланников. В их задачу входило: передать *огане* дорогие подарки от *оба*, проинформировать его о кончине предыдущего бенинского монарха и испросить подтверждение прав на наследование трона новым сувереном. В знак признания этих прав *огане* передавал *оба* через его посланников, в числе прочих символов власти, медный крест, который правитель Бенина был обязан носить на шее. Без него (как и без других символов власти) он не мог считаться законным правителем. Очевидно, что приближенные *оба* с крестами — его посланники к *огане*, возвратившиеся с подтверждением прав своего патрона на престол.

В то же время на некоторых рельефах из бенинского дворца можно видеть и абстрактные значки, разгадать значение которых, увы, не удастся, во всяком случае, пока¹⁵.

Интересно, что, хотя рельефы размещались на стенах дворца *оба* и их обратная сторона не была видна зрителю, условные значки и рисунки иногда наносились и на нее. Одному из авторов данной статьи удалось обнаружить их на обратных сторонах двух рельефов, ныне хранящихся в Британском музее в Лондоне. Одно изображение идентифицировать не удалось, в другом же легко узнать церемониальный меч *ада*. Вообще, следует отметить, что лишь очень малая часть бенинских рельефов была изучена на предмет наличия на них условных значков и рисунков (в частности, авторами настоящей работы — по альбомным публикациям и коллекции Британского музея). Вполне вероятно, что более масштабное исследование рельефов может дать ученым обильный и чрезвычайно интересный материал для дальнейшего анализа проблемы хранения и передачи информации в доколониальном Бенине.

В 1950-е годы К. Хау исследовала 11 предметов из Бенина (слоновые бивни, бронзовые рельефы, статуэтку, ритуальный нож, чаш-

¹⁴ См.: *Бондаренко Д.М.* Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М., 2001. С. 158–160.

¹⁵ *Hagen K.* Altertümer von Benin im Hamburgischen Museum für Völkerkunde. Hamburg, 1918. Teil 2. S. 12, Tafel 1, Fig. 1.

ку и браслет) и обнаружила на них в общей сложности 51 значок и рисунок, определенные ею не как исключительно «художественные формы». К. Хау предположила, что в дальнейшем количество открытых значков и рисунков такого рода может увеличиться, но незначительно¹⁶. В те же годы Д.А. Ольдерогге изучил изображения на основаниях *ухув-элао* и вставлявшихся в них резных бивнях¹⁷; уникальное по охвату материала рассмотрение последних в начале 1980-х годов осуществила Б.У. Блэкман¹⁸. Наше исследование позволило выявить еще целый ряд объектов, на которых бенинцами наносились значки и рисунки, определяемые нами как несущие в том числе и историко-коммеморативную нагрузку. Анализ культурного и символического контекста, в который были вписаны эти предметы, дает возможность понять и семантику нанесенных на них изображений.

В частности, в связи с этим показательна группа предметов, на которые значки наносились мелом. Кстати, понятно, что нанесенные мелом значки имели мало шансов сохраниться до наших дней, а потому и не изучались современными исследователями. В начале XX в. Р.И. Деннетт писал:

Аке. Куски коры, с одной стороны держащиеся на двух палках, образуя подобие навеса, под которым находятся горшок с водой, бананы и ямс. Обычно [*аке*] сооружаются под деревьями, а перед ними мелом рисуются различные значки¹⁹.

О нарисованных мелом на земле значках перед *аке* Р.И. Деннетт сообщает и в другом фрагменте своей книги²⁰. Очевидно, что речь идет о святилищах *Аке*, божества стрельбы из лука²¹.

Действительно, мел (*орхуэ*) играет большую роль в системе символов бини. Символическое значение мела связано с его белым

¹⁶ *Hau K.* Evidence of the Use. P. 126–130, 141–142 [table 1].

¹⁷ *Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина (по коллекциям Музея антропологии и этнографии); *Он же.* Древности Бенина, II (*ухув-элао* бенинских царей) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1955. Т. 16. С. 282–307; *Он же.* Древности Бенина, III (Условные значки и рисунки на бенинских бивнях) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1957. Т. 17. С. 345–361.

¹⁸ *Blackmun B.W.* The Iconography. Vol. 1–3.

¹⁹ *Dennett R.E.* At the Back of the Black Man's Mind Or Notes on the Kingly Office in West Africa. L.; N.Y., 1906. P. 221.

²⁰ *Ibid.* P. 215.

²¹ *Melzian H.* A Concise Dictionary of the Bini Language of Southern Nigeria. L., 1937. P. 6.

цветом. Так, когда будущий *оба* Обаноса отправил своему отцу, *оба* Акенгбуда, правившему более полувека, прядь своих седых волос, намекая на то, что пришло время уступить трон ему, Акенгбуда послал в ответ смесь мела с солью. Такое послание должно было означать, что старый *оба* еще не утратил интерес к этому миру и не готов покинуть его²².

У бини белый цвет символизирует мир, радость, здоровье, удачу, плодородие, чистоту и т.д.²³ Поэтому мел — наиболее важный объект, связанный с культом Олокуна, «отвечающего» за плодородие и богатство. Олокун, безусловно, был наипопулярнейшим и фактически самым могущественным божеством бенинского пантеона. Его ритуальный цвет — именно белый. Тот же Р.И. Деннетт писал:

В Эвези (населенном пункте к югу от города Бенина. — Д.Б., П.Р.)... стоит храм Олокуна... Посередине открытого пространства в этом храме находились три коровьи головы, окруженные нанесенными мелом значками²⁴.

Р.И. Деннетт упоминал и о другом алтаре Олокуна, перед которым на земле мелом были нанесены значки²⁵.

Также Р.И. Деннетт видел значки, нанесенные на земле мелом по полукругу, у входа (*омей*) в священную рощу Аровиа, посвященную Овиа, божеству одноименной реки (Dennett 1906: 192). Сам же *омей* представлял собой пальмовые листья, которыми оплетались ворота. *Омей* обновлялся каждый год во время совершения жертвоприношений божеству²⁶. Очевидно, одновременно заново наносились мелом и значки перед ним.

Значки, нанесенные мелом, также использовались при отправлении обрядов верховного божества Оса (или Осанобуа) и культа предков, поскольку в более общем смысле *орхуэ* олицетворяет присутствие в мире трансцендентного, божественного начала²⁷.

²² Egharevba J.U. A Short History of Benin. P. 43–44.

²³ Omijeh M.E.A. The Significance of Orhue in Bini Symbolism // Nigeria Magazine. 1971. N 107–109. P. 118; Blackmun B.W. The Iconography. Vol. 1. P. 31.

²⁴ Dennett R.E. At the Back of the Black Man's Mind. P. 223–224.

²⁵ Ibid. P. 225.

²⁶ Melzian H. A Concise Dictionary. P. 144.

²⁷ Talbot P.A. The Peoples of Southern Nigeria. A Sketch of Their History, Ethnology and Languages. L., 1926. Vol. 2. Fig. 1 [facing p. 20]; P. 35, 37, 55; Omijeh M.E.A. The Significance of Orhue. P. 118–119; Rosen N. Chalk Iconography in Olokun Worship // African Arts. 1989. Vol. 22, N 3. P. 44–53.

Еще один небожитель, с культом которого связано использование условных значков, пусть и не наносившихся мелом, — Осун, божество медицины (а точнее, знахарства). В прежние времена посвященный ему алтарь был в каждом бенинском доме²⁸. На одном из алтарей Осун Р.И. Деннетт видел металлическую плиту с выгравированными на ней значками²⁹. Судя по тому, что плита была изготовлена из дорогого материала — металла, алтарь, упоминаемый Р.И. Деннеттом, не был рядовым. Логично и то, что значки наносились на металлические ритуальные предметы (например, на особые жезлы), связанные с культом Огуна — божества железа и войны, покровителя кузнецов, воинов и вообще всех тех, чья работа связана с металлом³⁰.

В предыдущей части нашей статьи речь шла об изображениях в святилищах и на алтарях различных божеств. Однако и сами алтари имели непосредственное отношение к сохранению и передаче исторической информации, поскольку в Бенине идеология королевской власти, а следовательно, и официозная история династии и страны, была тесно связана с религиозными культурами. Не случайно главные святилища многих из них располагались на территории *огбе*³¹. Уже упоминавшийся нами бенинский вождь Акпата писал в связи с этим:

Польза от (размещения. — *Д.Б., П.П.*) таких... алтарей во дворце обнаруживается в их влиянии при управлении на лояльных вождей и людей *оба*³².

Историческая же информация оказывалась, таким образом, неразрывно переплетенной с информацией культурной.

Тесную связь, существовавшую в Бенине между условными значками, верховной властью, историей, религией и символизмом, хорошо отражает свидетельство К. Хау, относящееся к концу 1950-х годов. Однажды в ее присутствии старик рассказывал молодому бини, что

...традиционно в далеком прошлом знахари «писали» большими черными мелками конической формы на пластинах из слоновой кости

²⁸ *Melzian H.* A Concise Dictionary. P. 149.

²⁹ *Dennett R.E.* At the Back of the Black Man's Mind. P. 202.

³⁰ *Lippmann M.* Westafrikanische Bronzen. Inaugural-Dissertation... / Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. B., 1939. Plate 26.

³¹ *Boisragon A.* The Benin Massacre. L., 1898. P. 186–187; *Ben-Amos P.* The Art of Benin. N.Y., 1980. P. 70–93; *Picton J.* Edo Art. P. 24.

³² *Akpata A.* Benin. P. 7.

или дерева. Они не только записывали повеления божеств, важные события, связанные с войнами, и названия профилактических и лечебных медицинских средств, но и время от времени читали эти документы королям и «начальникам охраны» (*окакуо*). Эти чтения представляли собой важное церемониальное действие³³.

Особенно сильной и значимой бенинцам представлялась связь *оба* с Олокуном. Наиболее широко известная история об Олокуне связана с *оба* Эвуаре Великим, правившим в середине XV в. Рассказывают, что он похитил коралловые ожерелья, один из важнейших атрибутов власти в Бенине, из подводного дворца Олокуна, божества не только богатства и плодородия, но и водной стихии. Примечательно, что в конце XIX в. С. Панч писал, что центром культа Олокуна («Малаку», как он его называет) является Гвато³⁴ — прибрежное поселение, основанное *оба* Эвуаре как порт и сыгравшее важнейшую роль в истории торговых связей бенинцев с европейцами.

Однако еще одно предание связывает Олокуна с другим *оба*, Эзигие (первая половина XVI в.). В нем повествуется о том, что коралловые ожерелья были обретыны Эзигие в битве с Олокуном в одном из притоков Нигера. В любом случае, культ Олокуна был многочисленными нитями прочно связан с институтом верховного правителя и обслуживавшими его культурами³⁵. Не случайно иконография их образов столь схожа, что искусствоведам бывает крайне трудно определить, кто — Олокун или *оба* — изображен на том или ином памятнике искусства Бенина.

С верховным правителем был связан и культ Осун³⁶, поскольку в Бенине, архаическом по типу культуры, в том числе политической, только физически полноценный человек имело право на обладание властью³⁷. Для бенинцев физическая крепость правителя являлась гарантией не столько его реальной дееспособности, сколько наделенности сакральной силой. Она же была необходима ему для того, чтобы выступать залогом и символом могущества страны и благосостояния народа.

³³ *Hau K.* Evidence of the Use. P. 110.

³⁴ *Roth H.L.* Great Benin. Its Customs, Art and Horrors. L., 1968 [1903]. P. 53, 55.

³⁵ См., например: *Кочакова Н.Б.* Религия бини // Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 355.

³⁶ *Шаревская Б.И.* Памятник жертвенного культа.

³⁷ *Egharevba J.U.* Benin Games and Sports. Sapele, 1951. P. 18; *Idem.* A Short History of Benin. P. 26; также см.: *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации. С. 204, 210.

Также естественно и логично, что в немалой степени общей была символика сакральной верховной власти и религиозных культов. В частности, мел был ритуально связан не только со многими божествами, но и с *оба*. Люди верили в то, что мел служит верховному правителю пищей. Когда же *оба* умирал, один из крупнейших сановников, *ийасе*, объявлял, что «мел *оба* сломался». С этими словами он ударял о землю большой кусок мела. Немедленно после этого начинался траур по усопшему суверену. Главного отправителя траурных ритуалов наследного принца *эдайкена* покрывали мелом от плеч до груди; также мелом красили его правую руку и ступни³⁸. После восшествия на престол новый правитель посылал по куску мела всем находившимся под его верховной властью вождям как символ мира. Те, кто принимал дар *оба*, выражали тем самым свою лояльность ему. Отвергшие же присланный им мел объявлялись мятежниками со всеми вытекавшими отсюда последствиями³⁹.

Не лишенным оснований выглядит и предположение о том, что некоторые значки на бивнях представляют собой королевские тамги — знаки принадлежности данных предметов *оба*⁴⁰. Однако подобный взгляд нуждается в существенном уточнении: в данном случае речь должна идти о собственности *оба* не в политико-экономическом, а в социокультурном смысле. Примечательно, что эти тамги ставились на бивнях, находившихся в святилищах предков правителей, т.е. на предметах, представлявших собой социальную и культовую, но не непосредственно материальную ценность. Знаки обладания ими *оба* были призваны символизировать прочность связей ныне властвующего суверена с трансцендентным миром и прежде всего — с духами его предков; именно культ предков *оба* лежал в основе официальной идеологии.

Помимо предметов, о которых с уверенностью можно сказать, что они находились на алтарях божеств, предков верховного правителя или во дворце, условные значки и рисунки можно видеть и на вещах, связь которых с идеологией сакральной верховной власти, будь то в ее историческом или же религиозном преломлении, не столь самоочевидна.

³⁸ *Nevadomsky J.* Kingship Succession Rituals in Benin. Pt. 2: The Big Things // *African Arts*. 1984. Vol. 17, N 2. P. 41, 44.

³⁹ *Omiyeh M.E.A.* The Significance of Orhue. P. 118.

⁴⁰ *Roth H.L.* Great Benin. P. 96, fig. 96; *Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина, III. С. 345–346.

В частности, на некоторых предметах (например, на глиняной скамеечке из Британского музея) обнаруживаются значки, выполненные в своеобразном геометрическом стиле. В таком же стиле были вырезаны значки и на описанной С.Х. Ридом крышке сосуда, сделанной из слоновой кости (по его предположению, в начале XVII в.). На ней значки разделяли изображения голов европейцев. Отметив, что геометрический орнамент в целом нетипичен для бенинского искусства и встречается только на предметах, ассоциируемых с высшими социальными слоями, С.Х. Рид далее пишет об образующих его значках на рассмотренной им крышке сосуда:

Он, вне всякого сомнения, связан с плетеным орнаментом, обычным для бенинских резных и литых изделий, и, конечно, близкородственен узелковому орнаменту того же общего облика на скамеечке из коллекции генерала Питта-Риверса⁴¹.

К написанному Ридом можно добавить сообщение Н.У. Томаса. За восемь лет до Рида он писал, что в Бенине частные дома обычно украшались геометрическим орнаментом⁴². Это сообщение не выглядит вполне ясным, поскольку, с одной стороны, каждый бенинский дом был «частным» в том смысле, что его могла населять только одна большая семья, но, с другой стороны, большинство домов входило в состав архитектурных комплексов, образовывавших обнесенные стенами компаунды. Кроме того, частная собственность в новоевропейском смысле слова вообще не была известна бини⁴³. Можно предположить, что под «частными домами» англичанин имел в виду отдельно стоящие жилища, а лучше сказать дворцы, высокопоставленных аристократов. Если наше допущение верно, то утверждение С.Х. Рида о том, что геометрический орнамент, включая стилизованные под него условные значки, отличал предметы и объекты, связанные с высшими слоями бенинского общества, получает дополнительное подтверждение.

Интересна и семантика значков, обнаруживаемых на другой скамеечке, на сей раз латунной. На ней можно видеть значки, явно

⁴¹ *Read C.H.* On a Carved Ivory Object from Benin in the British Museum // *Man*. 1918. Vol. 18, N 72. P. 129–130.

⁴² *Thomas N.W.* Decorative Art Among the Edo-Speaking Peoples of Nigeria: I. Decoration of Buildings // *Man*. 1910. Vol. 10, N 37. P. 65–66.

⁴³ См., например: *Бондаренко Д.М.* Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть. М., 1995. С. 149–152.

символизирующие луну и солнце, а также «мальтийский» крест⁴⁴. Уже наличие креста указывает на связь скамеечки с институтом верховного правителя (см. выше). Не случайно устная традиция приписывает заказ на ее изготовление *оба* Эрсейоену (первая половина XVIII в.). Но и космическая символика луны и солнца имеет прямое отношение к идеологии сакральной власти бенинских верховных правителей. Одним из ее краеугольных камней был постулат о том, что *оба* воплощает, сочетает и непротиворечиво объединяет в себе противоположности, которые в своей совокупности охватывают всё, в мире сущее. Верховный правитель виделся подданным как одновременно «за и против, правое и левое, человек и божество; он соединял в себе противоположности, он существовал во имя этого соединения»⁴⁵. Значки же, обозначающие солнце и луну, были призваны выразить идеологему о воплощении сакрализованном монархом дня и ночи⁴⁶.

В широкий контекст семантики образов солнца и луны как идеологем сакральной власти *оба* были вписаны и их более частные и не связанные друг с другом значения. Так, по-видимому, солнце должно было символизировать неустранимость правящей династии, естественность и неизбежность ее существования, подобные неотменимости и регулярности восхода солнца, т.к. у бини популярна следующая поговорка: «Солнце никогда не пропускает день»⁴⁷.

Семантика же образа луны в связи с идеологией сакральной власти *оба* раскрывается на одном из рельефов из дворца верховного правителя. На нем запечатлены две коровьи головы, поставленные одна на другую, а рядом с ними — шесть полумесяцев⁴⁸. Думается, в данном случае архаическое мышление бини продуцировало те же ассоциации, что хорошо известны историкам религий и культур Древнего мира: и коровьи рога, и напоминающий их по форме полумесяц увязывались с культом плодородия. А ритуальное обеспечение плодородия считалось одной из важнейших задач правителей архаических земледельческих обществ, в том числе бенинского⁴⁹.

⁴⁴ Ben-Amos P. The Art of Benin. P. 30–31, plates 30, 31.

⁴⁵ Palau Marti M. Le Roi-dieu au Bénin. Sud Togo, Dahomey, Nigeria occidentale. P., 1964. P. 218.

⁴⁶ Dark P. An Introduction to Benin Art and Technology. Oxford, 1973. P. 105.

⁴⁷ Ben-Amos P. The Art of Benin. P. 28.

⁴⁸ Dark P. An Introduction. Plate 56, ill. 119.

⁴⁹ См., например: Бондаренко Д.М. Бенин накануне первых контактов с европейцами. С. 213.

Таким образом, хотя о существовании письменности в доколониальном Бенине говорить не приходится, следует безусловно признать, что в нем была выработана оригинальная система хранения и передачи информации посредством условных значков и рисунков, представлявших собой фразограммы. Разработка этой системы не обуславливалась общественными потребностями, связанными с ростом хозяйственной и торговой деятельности в стране, появлением четких представлений о государственной и частной собственности как политико-экономических категориях, как это обычно происходило при создании письменности в странах Древнего мира. В Бенине возникновение фразографии было predetermined неизменной заботой верховной власти — что при Первой династии (*огисо*), что при Второй (*оба*) — об укреплении своих идеологических основ. Официозная обработка истории правящего дома и всего народа, с одной стороны, и педалирование идеологемы о связи правителей с их предками и божествами — с другой, являлись важнейшими средствами достижения властью этой цели.

Именно в силу вышесказанного практически вся информация, которую содержали бенинские условные значки и рисунки (и сами по себе, и как фрагменты социокультурной среды, в которую были вписаны несшие их на себе объекты), имела исторический и культурный (религиозно-мифологический) характер. Неразрывные в сознании бини и призванные властью служить ей, выполняя единую — идеологическую — задачу, история и мифология здесь переплетаются: миф историзируется и политизируется, в него вводятся реальные исторические личности (правители страны), а история мифологизируется и одновременно подтасовывается в угоду все той же верховной власти. Если исходить из специфики предпосылок и условий возникновения и существования в Бенине фразографии, выглядит логичным, что слой «грамотных» в стране был весьма узок, равно как и то, что его составляли именно придворные — хронисты и мастера художественных ремесел, а также жрецы культов ряда божеств.

В то время как немало условных значков и рисунков, прежде всего на бронзовых рельефах, еще ждет своего исследователя, совершенно очевидно, что их большая часть утрачена безвозвратно. Ведь большинство значков наносилось мелом на земле, слоновой кости или дереве. Такие «надписи» требовали частого подновления, а в колониальный период эта традиция пресеклась. Данное обстоятельство наводит на определенные мысли: может быть, условные значки и рисунки использовались более широко? Ведь хорошо из-

вестно, что помимо всемирно знаменитого ныне придворного изобразительного искусства в доколониальном Бенине существовало и развитое народное искусство. Однако поскольку произведения последнего чаще всего выполнялись из менее дорогих и долговечных материалов (например, дерева), памятников доколониального народного искусства бини сохранилось крайне мало; настолько мало, что общая картина художественного процесса в Бенине оказалась совершенно искаженной. Не могла ли аналогичная ситуация сложиться и с фразографией? Может быть, условные значки и рисунки знали и не вхожие во дворец и главные святилища бенинцы, но они наносили их на недолговечные предметы, которые не могли сохраниться до наших дней?

Скорее всего, для эпохи *оба* подобное предположение все же оказалось бы не только спекулятивным, но и ошибочным. Памятуя о том, что фразография в Бенине не была необходима в хозяйственно-торговой сфере, а могла найти применение лишь в сфере идеологической, зададимся вопросом римских юристов: «кому это выгодно?», т.е. кто, кроме верховных правителей, мог бы попытаться использовать фразографию для укрепления собственной власти? В бенинском королевстве власть осуществлялась на четырех уровнях: больших семей, общин (чаще всего объединявших несколько семей), вожеств и всей политики. Едва ли к фразографии могли прибегать главы семей и общин, в том числе потому, что их власть не была наследственной. Сложнее обстоит дело с *оногие* — наследственными главами вожеств, более крупных образований в рамках бенинского королевства.

Оногие явно должны были быть заинтересованы в идеологическом укреплении своей власти над составлявшими их вожества общинами. Но если памятники народного искусства, пусть и немногочисленные, пусть и только позднего периода, все же сохранились, то никаких предметов с нанесенными на них условными значками или рисунками, которые происходили бы не из-за стен дворца *оба* или святилищ, обнаружить не удастся. Прямые указания на знакомство с «грамотой» простых бенинцев отсутствуют в местных фольклоре, мифологии, устной исторической традиции и т.п. Никаких подтверждений не дает археология. В этнографических источниках также не найти свидетельств распространения «грамотности» среди бини, если не считать приведенного в самом начале данной статьи сообщения неизвестного англичанина, сохраненного Л.Ф. Рёмером. Однако анонимный информант не указал

прямо, кого из бенинцев он имеет в виду, говоря об их «учености». Судя же по тому, что побывал он именно в городе Бенине — столице, да и судя по его описанию, речь идет все о тех же самых придворных хронистах и одновременно жрецах культов предков *оба* и головы здравствующего суверена.

Почему же мы не располагаем свидетельствами об использовании условных рисунков и значков в вождествах бини? Ответ на этот вопрос следует искать в истории возникновения и укрепления в Бенине института верховной надвождецкой власти. Обозначение *огисо* как династии условно и в основе своей неверно. Дело в том, что лишь несколько первых (примерно четыре) и последних (около восьми) правителей, носивших этот титул, образовывали династические линии (причем не связанные друг с другом). В промежутке же между ними лежало время правления приблизительно двух десятков *огисо*, каждый из которых был главой сильнейшего на тот конкретный момент вождества и приходил к власти, не будучи связан родственными узами со своим предшественником. Эпоха *огисо* (X–XII вв.) была периодом борьбы различных вождеств бини за гегемонию во всей стране, и ни одному из них не удалось установить эффективную надвождецкую власть. В целом, бенинская полития той поры может быть охарактеризована как сложное вождество⁵⁰. Вполне вероятно, что в это время главы вождеств, по крайней мере некоторые из них, прибегали к фразографии в «идеологической войне» с соперниками, в то время как *угхорон* обслуживали верховную власть как таковую, «переписывая» историю и политическую мифологию в зависимости от того, кто ее в данный момент персонифицировал.

То, что в сложном вождестве могут существовать условные средства хранения и передачи информации, равно как и то, что в таких случаях сохраняемая информация имеет преимущественно цельный исторический, мифологический и генеалогический характер, подтверждают, в частности, примеры многих социумов доколониальной Полинезии. Однако там подобные свидетельства относятся к намного более позднему времени, чем эпоха *огисо* в Бенине. Как не сохранилось образцов «письмен» *угхорон*, так с еще большей вероятностью могло не остаться следов творчества идеологов правителей многочисленных вождеств бини X–XII вв. В то время бини еще не была известна техника бронзового литья,

⁵⁰ Подробно см.: Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин. С. 72–135.

а фразограммы, нанесенные на дереве, слоновой кости и т.п. могли погибнуть как от времени, так и в ходе войн и переворотов, сопро-вождавших историю Бенина времен *огисо*, и смены династий.

Оба же удалось к середине XIII в. установить эффективную, до-статочно жесткую надвождескую власть и образовать династию в подлинном смысле этого слова. Победа над сепаратизмом и пре-стольными амбициями отдельных вожеств не могла не выразить-ся и в пресечении «самодетельности» их глав в сфере идеологии, т.е. в «монополизации», «присвоении» официальных истории стра-ны и политической мифологии народа (а следовательно, и средств хранения и передачи информации данного характера) верховной властью. Таким образом, тот факт, что дошедшие до нас (непо-средственно или в описаниях) фразографические значки и рисунки неизменно оказываются связанными с историко-мифологическими аспектами официальной идеологии, свидетельствует о силе цен-тральной власти в Бенине эпохи правления династии *оба*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко Д.М.* Бенин накануне первых контактов с европейцами: Чело-век. Общество. Власть. М., 1995.
- Бондаренко Д.М.* Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М., 2001.
- Кобищанов Ю.М.* Африканские системы письма // Африка еще не открыта. М., 1967. С. 171–238.
- Кочакова Н.Б.* Религия бини // Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 351–357.
- Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Да-гомея). М., 1986.
- Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина (по коллекциям Музея антропологии и этнографии) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. 15. С. 358–402.
- Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина, II (*ухув-элао* бенинских царей) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1955. Т. 16. С. 282–307.
- Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина, III (Условные значки и рисунки на бе-нинских бивнях) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1957. Т. 17. С. 345–361.
- Ольдерогге Д.А.* Следы существования письменности у народов Верхней Гвинеи до европейской колонизации // Краткие сообщения Института этнографии. 1957. № 28. С. 68–73.

- Шаревская Б.И.* Памятник жертвенного культа древнего Бенина // СЭ. 1947. № 3. С. 131–140.
- Шаревская Б.И.* Религии древнего Бенина (очерк верований и культов африканского государства доколониального периода) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1957. Т. 1. С. 172–213.
- Afolayan S.F.* Pre-Colonial Concept of History in Nigeria // On West African History. Selected Papers. Marburg, 1986. (Africana Marburgensia; Sonderheft 11). P. 31–47.
- Akpata A.* Benin: Notes on Altars and Bronze Heads // Ethnologica Cranmomensis. 1937. Vol. 1. P. 5–10.
- Bascom W.* The Early Historical Evidence of Yoruba Urbanism // Social Change and Economic Development in Nigeria. N.Y. etc., 1973. P. 11–39.
- Ben-Amos P.* The Art of Benin. N.Y., 1980.
- Blackmun B.W.* The Iconography of Carved Altar Tusks from Benin, Nigeria: Ph.D. thesis / Univ. of California, Los Angeles. Ann Arbor (Mi.), 1984. Vol. 1–3.
- Boisragon A.* The Benin Massacre. L., 1898.
- Bradbury R.E.* Chronological Problems in the Study of Benin History // *Bradbury R.E.* Benin Studies. L. etc., 1973. P. 17–43.
- Dark P.* An Introduction to Benin Art and Technology. Oxford, 1973.
- De Barros J.* Ásia de João De Barros: Dos Feitos que os portugueses fizeram no descobrimento e conquista dos mares e terras de Oriente. Dec. I. Coimbra, 1988 [1552].
- Dennett R.E.* At the Back of the Black Man's Mind Or Notes on the Kingly Office in West Africa. L.; N.Y., 1906.
- Egharevba J.U.* Benin Law and Custom. Port Harcourt, 1949.
- Egharevba J.U.* Benin Games and Sports. Sapele, 1951.
- Egharevba J.U.* Bini Titles. Benin City, 1956.
- Egharevba J.U.* A Short History of Benin. Ibadan, 1960.
- Falola T., Mahadi A., Uhomoibhi M., Anyanwu U.* History of Nigeria. Ikeja etc., 1989. Vol. 1–2.
- Hagen K.* Altertümer von Benin im Hamburgischen Museum für Völkerkunde. Hamburg, 1918. Teil 1–2.
- Hau K.* Evidence of the Use of Pre-Portuguese Written Characters by the Bini? // Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire. Sér. B. 1959. Vol. 21, N 1–2. P. 109–154.
- Hau K.* The Ancient Writing of Southern Nigeria // Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire. Sér. B. 1967. Vol. 29, N 1–2. P. 150–190.
- Igbafe P.A.* Benin in the Pre-Colonial Era // Tarikh. 1974. Vol. 5, N 1. P. 1–16.
- Isichei E.* A History of Nigeria. L. etc., 1983.
- Lippmann M.* Westafrikanische Bronzen. Inaugural-Dissertation... / Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. B., 1939.
- Melzian H.* A Concise Dictionary of the Bini Language of Southern Nigeria. L., 1937.

- Nevadomsky J.* Kingship Succession Rituals in Benin. Pt. 2: The Big Things // African Arts. 1984. Vol. 17, N 2. P. 41–46.
- Omijeh M.E.A.* The Significance of Orhue in Bini Symbolism // Nigeria Magazine. 1971. N 107–109. P. 117–119.
- Pacheco Pereira D.* Esmeraldo de Situ Orbis. Bissau, 1956 [1505–1508].
- Palau Marti M.* Le Roi-dieu au Bénin. Sud Togo, Dahomey, Nigeria occidentale. P., 1964.
- Picton J.* Edo Art, Dynastic Myth, and Intellectual Aporia // African Arts. 1997. Vol. 30, N 4. P. 18–25.
- Read C.H.* On a Carved Ivory Object from Benin in the British Museum // Man. 1918. Vol. 18, N 72. P. 129–130.
- Roese P.M., Bondarenko D.M., Roese T.M.L.* Ludewig Ferdinand Römer's "Nachrichten von der Küste Guinea" (Mid-18th Century) as a Source on the Benin Kingdom History and Culture // Tribus. 2001. Vol. 50. P. 135–149.
- Römer L.F.* Nachrichten von der Küste Guinea. Kopenhagen; Leipzig, 1769.
- Rosen N.* Chalk Iconography in Olokun Worship // African Arts. 1989. Vol. 22, N 3. P. 44–53.
- Roth H.L.* Great Benin. Its Customs, Art and Horrors. L., 1968 [1903].
- Talbot P.A.* The Peoples of Southern Nigeria. A Sketch of Their History, Ethnology and Languages. L., 1926. Vol. 1–4.
- Thomas N.W.* Decorative Art Among the Edo-Speaking Peoples of Nigeria: I. Decoration of Buildings // Man. 1910. Vol. 10, N 37. P. 65–66.

Dmitri M. Bondarenko, Peter Roese

HISTORIOGRAPHY WITHOUT WRITING?
 ABSTRACT SIGNS AND PICTORIAL MARKS
 AS A MEANS OF HISTORICAL AND CULTURAL INFORMATION
 PRESERVATION AND TRANSMISSION
 IN PRECOLONIAL BENIN

Though there was no writing in pre-colonial Benin, the Bini had elaborated an original system of information preservation and transmission by means of pictorial marks and drawings. The elaboration of this system was not provoked by social needs connected with growth of production and trade and appearance of clear ideas of the state and private property as politico-economic categories, as it usually was the case in the countries of classical antiquity both in the East and the West. Its appearance in Benin was predestined by permanent care of the ideology's strengthening by the supreme authority in the times of both the first (Ogiso) and second (Oba) dynasties. An official manipulation with the royal and people's history, on

the one hand, and pedaling of the idea of the rulers' connections with their ancestors and deities, on the other hand, were among the most important means by which the authority was achieving this goal. That is why practically all the information Benin pictorial marks and drawings contained was historical and cultural (religious and mythological). Inseparable in the Bini's consciousness and destined by authority to serve the latter by fulfilling the common — ideological task, history and mythology had intervened: the myth was historicized and politicized, and history was mythologized and thus juggled in favor of the supreme authority. In view of the aforesaid, it is logical that the layer of the "literate" Bini was very thin and most probably included courtiers only — chroniclers, some artisans and priests. Contrary to the Ogiso of the tenth–twelfth centuries, the Oba managed to establish effective and quite rigid central authority by the mid-thirteenth century. This could not but result in the supreme authority's "monopolization" and "appropriation" of official history and political mythology, and hence of the means of information preservation and transition. Thus, the fact that all the known marks are invariably related to the historical and mythological aspects of official ideology testifies the central authority's strength in Benin of the Oba period.

Key words: Benin Kingdom, Nigeria, precolonial Africa, historical writing, pictorial marks, ideology